

Введение

Салон Хитрово-Фикельмон занимал особое место в светской, политической и литературной жизни Петербурга.

Елизавета Михайловна Хитрово (урожд. Кутузова; 1783-1839) и ее две дочери от первого брака с графом Ф. И. Тизенгауэном Екатерина и Дарья (Долли) были столь дружны между собой, что в обществе их называли 'прелестным трио*. Е. М. Хитрово много лет прожила с детьми в Италии; в их доме в Неаполе собирались дипломаты, художники и писатели, с особым радушием встречали здесь приезжавших в Италию соотечественников. В 1827 г. Елизавета Михайловна и ее старшая дочь Екатерина возвратились в Россию и обосновались в Петербурге (Е. Ф. Тизенгаузен получила место фрейлины императрицы Александры Федоровны). Е. М. Хитрово сразу же заняла заметное место в петербургском свете; ее роль в обществе стала еще более значительной, когда в январе 1829 г. муж ее младшей дочери граф Шарль-Луи Фикельмон был назначен австрийским послом в России. Елизавета Михайловна, жившая до этого отдельно, переехала к семье дочери в дом австрийского посольства на Английской набережной. С этого времени салон Хитрово-Фикельмон становится одним из самых известных в столице.

Строго говоря, гостей мать и дочь принимали каждая у себя: Елизавета Михайловна в своих личных апартаментах в первой половине дня, а Долли Фикельмон — по вечерам в гостиной посольской резиденции. Однако эти салоны были родственны по духу — их объединяли общие взгляды и интересы, одинаково высокий интеллектуальный уровень бесед и истинно светский, европейский стиль; к тому же у Елизаветы Михайловны и Долли собирался приблизительно один и тот же крут людей. Все это позволяет говорить о салоне Хитрово-Фикельмон как об одном культурном явлении

Как и в любом салоне, стиль и атмосферу в нем создавали прежде всего его хозяйки. Елизавета Михайловна, любимая дочь М. И. Кутузова, соединяла в себе горячий русский патриотизм с европейской широтой взглядов. В ее характере своеобразно сочетались черты доброй и простодушной русской женщины и безукоризненно воспитанной светской дамы. По словам В. А. Соллогуба, Елизавета Михайловна даже не отличалась особенным умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той особенной, всепрощающей добротой, которая только встречается в настоящих больших барынях (Соллогуб В. Л. Из воспоминаний // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 438). Вспоминая о ней, П. А. Вяземский писал:

В числе сердечных качеств, отличавших Е. М. Хитрово, едва ли не первое место должно занять, что она была неизменный, твердый, безусловный

друг друзей своих. Друзей своих любить немудрено — но в ней дружба возвышалась до степени доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала, не жалея себя, не опасаясь за себя неблагоприятных последствий, личных пожертвований от этой битвы не за себя, а за другого» (Вяземский Я. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 8. СПб.. 1883. С. 493).

Образованная и любознательная, всегда в курсе последних политических новостей и литературных новинок, Е. М. Хитрово умела поддержать разговор с самыми умными и взыскательными собеседниками, такими как Пушкин, Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев. В то же время, бесхитростная и не по возрасту непосредственная, Елизавета Михайловна нередко ставила себя в смешное положение. Например, она наивно гордилась красотой своих обнаженных плеч и носила платья с чрезмерно глубоким декольте, за что в свете ее прозвали «Лизой голенькой» (это прозвище встречается в переписке Пушкина с Вяземским). О ней ходили анекдоты и сочинялись каламбуры, обыгрывающие ее простодушие или восторженность. Например, В. А. Соллогуб, ссылаясь на молву, любившую позлословить, рассказывает в своих воспоминаниях: «Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне, когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть; г-жа Хитрово останавливала его: „Нет, не садитесь на это кресло, это Пушкина, — говорила она, — нет, не на этот диван — это место Жуковского: нет, не на этот стул — это стул Гоголя; садитесь ко мне на кровать — это место всех..» (Соллогуб В. А. Из воспоминаний. С.438). В письмах Пушкина Е. М. Хитрово упоминается довольно часто и, как правило, в ироническом тоне. Во время эпидемии холеры Пушкин писал Вяземскому 3 июля 1831 г.: «Элиза готовится к смерти мученической и уже написала мне трогательное прощание* (XIV, 18г). В письме к жене от 8 октября 1833 г. поэт спрашивает о Хитрово: -Как она перенесла мое отсутствие? Надеюсь, с твердостью, достойной дочери князя Кутузова* (XV, 86).

Ирония поэта в данном случае объясняется и сугубо личными мотивами. Елизавета Михайловна страстно любила Пушкина и выражала свои чувства, судя по всему искренние и глубокие, со свойственной ей экзальтацией, что ставило поэта в неловкое положение. Назойливое обожание со стороны некрасивой и немолодой женщины (она была старше поэта на шестнадцать лет) придавало ситуации водевильный оттенок. Пушкин, который менее всего желал выглядеть смешным, и раздражался, и подшучивал над своей поклонницей, но в то же время не хотел ее оттолкнуть и обидеть. Он ценил ее деятельную доброту и внимание ко всем его делам и заботам, любил обсуждать с ней светские и в особенности политические новости. Елизавета Михайловна, смирившись с невозможностью стать возлюбленной поэта, навсегда осталась одним из самых верных и преданных его друзей.

Младшая дочь Е. М. Хитрово, Долли Фикельмон, была во всех отношениях незаурядной женщиной. Ее красота, обаяние и безукоризненные манеры вызывали всеобщее

восхищение. Пушкин писал ей: «Поверьте, что я останусь всегда искренним поклонником вашего очарования столь простого, вашего разговора столь приветливого и столь увлекательного, хотя вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших светских дам* (письмо от 26 апреля 1830 г. — XVI. 430; ориг. по-франц.). Есть основания полагать, что именно Долли Фикельмон являлась в глазах поэта верным снимком *du somme il faut* (см. VI, 171). Возможно, описание истинно аристократической. «светской и свободной* гостиней в черновиках 'Евгения Онегина* также навеяно впечатлениями от салона Фикельмон. Существует предположение, что Долли Фикельмон являлась героиней устной новеллы Пипкина об одном своем кратком, но рискованном любовном приключении, едва не закончившемся скандалом (см.. Нащокины П.В. и В.А. Рассказы о Пушкине, записанные Г. И. Бартеневым // Пушкин в воспоминаниях. Т. 2. С 188-190). Однако биографы Пушкина с большой осторожностью подходят к освещению этого эпизода, не имеющего безусловных фактических подтверждений.

Помимо внешнего очарования Долли Фикельмон выделялась среди других светских дам своим светлым умом и обширными познаниями. Судя по письмам и дневникам графини, ее рассуждения на темы политики, истории и литературы отличались ясностью мысли, логической стройностью и литературным блеском (писала она, конечно, по-французски, так как русский язык знала плохо). Кроме того, Долли обладала удивительной интуицией и проницательностью, за что ее еще в юности прозвали «Сивиллой флорентийской». Горькие предчувствия, возникшие у нее при первом знакомстве с Натальей Николаевной Пушкиной, в самом деле обернулись предвидением трагедии, которую тогда еще трудно было предположить. «Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена! Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется и весь ее облик как будто говорит: „Я страдаю,„» (Фикельмон Д. Ф. Из дневника // Там же. С. 141).

Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон — две столь разные и столь яркие женщины — всегда были в центре внимания в своем блестящем салоне на Английской набережной. Австрийский посол граф Шарль-Луи Фикельмон, муж Долли, был также человеком образованным, широко мыслящим остроумным и любезным.

В доме на Английской набережной собиралось самое избранное общество: члены царской семьи, дипломаты, государственные деятели, писатели, заезжие знаменитости. По выражению Вяземского, салон был «европейско-русский». *В нем и дипломаты и Пушкин были дома (Вяземский П. А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский // Вяземский Л. Полн. собр. соч. Т. СПб.. 1882 С. 226). Пушкин смог познакомиться здесь едва ли не со всеми представителями дипломатического корпуса, многие из которых высоко ценили его как поэта. Беседы, которые велись в этом кругу, были для Пушкина одним из главных источников сведений о политической и литературной жизни Западной Европы. В гостях у Фикельмонов Пушкин провел один из последних вечеров в своей жизни, описанный А. И. Тургеневым в письме к А. Я.

Булгакову от 9 января 1837 г.: «Два дня тому назад мы провели очаровательный вечер у австрийского посла: этот вечер напомнил мне самые интимные салоны Парижа. Составился маленький кружок из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского министра и вашего покорного слуги <...>. Беседа была разнообразной, блестящей и очень интересной, так как Барант рассказывал нам пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он прочел; Вяземский вносил свою часть, говоря свои mots <острые слова — франц>, достойные его оригинального ума. Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты Петра I и Екатерины II, и на этот раз я тоже был на высоте этих корифеев петербургских салонов. <_> Повесть Пушкина „Капитанская дочка“ так здесь прославилась, что Барант, не шутя, предлагал автору при мне перевести ее на французский язык с его помощью» (Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 203-204). Представление о разговорах, которые велись в салоне Хитрово-Фикельмон, дает и обширная переписка Пушкина с К. М. Хитрово, посвященная большей частью обсуждению политических событий.

Особняк австрийского посла и в юридическом, и в переносном смысле слова находился на западно-европейской территории* (Раевский И. А. Д. Ф. Фикельмон в жизни Пушкина; Д. Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина. С 113). Здесь допускались куда более либеральные рассуждения о политике и общественной жизни, нежели в других петербургских гостиных. «Разговорная газета» часто знакомила гостей с фактами и событиями, не освещавшимися на страницах официальной печати. Благодаря дружбе с семьей Хитрово-Фикельмон Пушкин имел возможность приобретать книги, которые были запрещены к ввозу в Россию: в частности, исторические труды Тьера и Минье о Французской революции и два тома стихотворений Г. Гейне (см. записку графа Фикельмона к Пушкину от 2 апреля 1835 г. — XVI, 22).

По точному определению Н. В. Измайлова, для Пушкина, который всю жизнь тщетно стремился на Запад, этот салон был поистине «окном в Европу», откуда вливались в туманный и холодный Петербург яркий свет и вольный воздух или, по крайней мере, их отражения* (Измайлов И. В. Пушкин и Е. М. Хитрово. С. 19.3). В трагической истории событий, предшествовавших дуэли Пушкина с Дантесом, Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон неизменно выступали на стороне поэта, поддерживая его, как могли, дружеским участием.

В 1839 г. на 56-м году жизни умерла Б. М. Хитрово. В 1840 г. граф Фикельмон был отозван из Петербурга в Вену; Долли уехала с ним и больше на родину не возвращалась. «Опустел, замер один из петербургских салонов, и так уже редких в то время», — горько констатировал Вяземский (Вяземский П. А. Старая записная книжка. С 494-495).

Долли

Графиня **Дарья Фёдоровна Фикельмон** (фр. *de Ficquelmont*, урождённая графиня **Тизенгаузен**, нем. *Tiesenhausen*; 14 октября [26 октября] 1804, Санкт-Петербург, Российская империя — 10 апреля 1863, Венеция [или Вена], Австрийская империя) —

внучка фельдмаршала Кутузова, дочь Е. М. Хитрово, жена

австрийского дипломата и политического деятеля К. Л. Фикельмона. Часто упоминается как **Долли Фикельмон**. Известна как хозяйка петербургского салона и автор обстоятельного «светского дневника», в записях которого особый интерес у пушкинистов вызывают фрагменты, касающиеся Пушкина и его жены, и подробный отчёт о дуэли и смерти Пушкина.

Старшая из сестер, Екатерина Тизенгаузен, родилась в 1803 году; младшая, Даша, 14 октября 1804 года. О

Петербургская гостиная Долли Фикельмон в доме Ивана Салтыкова. Худ. Й. Сотира, 1835 г. На диване справа Элизалекс – десятилетняя дочь Фикельмонов

раннем детстве Долли мы знаем только по письмам Кутузова к Елизавете Михайловне и по немногим упоминаниям в дневнике Дарьи Федоровны. Первые одиннадцать лет своей жизни будущая графиня Фикельмон провела вместе с сестрой в Ревеле у бабушки Тизенгаузен, урожденной Штакельберг (1753–1826), которую она очень любила и считала своей второй матерью. Обстановка, в которой росли девочки, была далеко не роскошной – Долли впоследствии вспоминает в дневнике о простых и однообразных нравах и обычаях маленького города, или северной деревни. Что это за «северная деревня», мы не знаем, – вероятно, эстляндское имение Тизенгаузен. Мать подолгу жила вместе с дочерьми у родственников покойного мужа. Лето проводила у них либо ездила с девочками на дачу в Стрельну под Петербургом. Порой предпринимала и далекие поездки: в Бухарест к отцу, в Крым, но дочери в это время оставались у бабушки.

К. Брюллов. Долли с сестрой в Неаполе.

С раннего детства они знают и французский и немецкий. В свои русские письма к старшей внучке Кутузов то и дело вставляет отдельные фразы на этих языках. Иногда пишет ей целиком по-немецки. Впоследствии обиходный язык Фикельмон главным образом французский, но хорошее знание немецкого языка, несомненно, помогало ей лучше понимать жизнь Центральной Европы. Из писем Кутузова видно, что девочки учатся и родному языку. Однако будем помнить, что Даша Тизенгаузен с детства жила в нерусской среде и, кроме Ревеля и Петербурга с окрестностями, кажется, нигде больше в России не бывала.

В 1811 году, через шесть лет после смерти Ф. И. Тизенгаузена, ее мать выходит вторично замуж за генерал-майора Николая Федоровича Хитрово (1771-1819). Елизавете Михайловне 28 лет.

Дарья Фёдоровна вместе с мужем приехала в Петербург в конце июня 1829 года. Фикельмоны жили в арендованном посольством особняке князя Салтыкова (Дворцовая набережная, 4).

Семнадцатого сентября 1829 года графиня Фикельмон записала в дневнике:

«С 12-го мы поселились в доме Салтыкова – он красив, обширен, приятен для житья. У меня прелестный малиновый кабинет (un cabinet amarante), такой удобный, что из него не хотелось бы уходить. Мои комнаты выходят на юг, там цветы – наконец все, что я люблю. Я начала с того, что три дня проболела, но это все ничего, у меня хорошее предчувствие, и я думаю, что полюблю свое новое жилище.

Ничего столь не забавно, как устроиться на широкую ногу и с блеском, когда знаешь, что состояния нет, и, если судьба лишит вас места, то жить придется более чем скромно. Это совсем как в театре! На сцене вы в королевском одеянии – потушите кинкеты, уйдите за кулисы и вы, надев старый домашний халат, тихо поужинаете при свете сальных свечей! Но от этого мне постоянно хочется смеяться, и ничто меня так не забавляет, как мысль о том, что я играю на сцене собственной жизни. Но, как я однажды сказала маме, – вот разница между мнимым и подлинным счастьем, – женщина, счастливая лишь положением, которое муж дает ей в свете, думала бы с содроганием о том, что подобная пьеса может кончиться. Для меня, счастливой Фикельмоной, а не всеми преимуществами, которые мне дает его положение в свете, – для меня это вполне безразлично, я над этим смеюсь, и, если бы завтра весь блеск

исчез, я не стала бы ни менее веселой, ни менее довольной. Только бы быть с ним и с Елизалекс, и я, уезжая, буду смеяться с тем же легким сердцем!»

Остальную часть 112-й страницы первого тома дневника, на которой заканчивается эта запись, графиня Долли оставила незаполненной. Должно быть, смотрела на нее как на своего рода введение к предстоящему повествованию о своей жизни в особняке Салтыковых.

Этот дом, где Дарья Федоровна Фикельмон в течение девяти лет то весело, то грустно играла сложную пьесу своей жизни, где часто бывал Пушкин, куда он привел своего Германна, – этот дом существует и сейчас.

Дарья Фёдоровна живо интересовалась литературой и музыкой, религиозно-философскими вопросами и политикой. Её близкими друзьями были П. Вяземский, А. Тургенев, И. Козлов. Салон графини Фикельмон часто посещал Пушкин. По словам П. А. Вяземского:

Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных [Хитрово — Фикельмон] салонах. Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади. Так и в этих двух салонах можно было запасть сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут обозрение и текущих событий; была и передовая статья с суждениями своими, а иногда и осуждениями, был и лёгкий фельетон, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, эта всемирная изустная разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь! А какая была непринужденность, терпимость, вежливая, и себя, и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах. Даже при выражении спорных мнений не было слишком кипучих прений; это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок, — система free trade <свободной торговли — англ>, приложенная к разговору. (Вяземский П.А. Старая записная книжка. С. 493).

Через семью посла русские знакомые получали книги, запрещённые к ввозу в Россию, а некоторые письма из-за границы друзей Фикельмонов (например, А. Тургенева Вяземскому) посылались с австрийской дипломатической почтой во избежание перлюстрации. Знакомая с мировой литературой гораздо лучше, чем большинство её сверстниц, Дарья Фёдоровна, видимо, совершенно не знала литературы русской. За

годы пребывания за границей она совсем забыла русский язык (возможно, что и в детстве знала его плохо). В 1830 году супругам Фикельмон давал уроки русского языка О. Сомов. Известно, однако, что в её салоне были вечера, посвящённые литературной жизни России. Об одном из таких собраний у Фикельмон пишет С. А. Бобринская мужу: «Я тебе говорила, что мадам Хитрово с дочерью Долли оказали мне честь, пригласив на литературный вечер. Был разговор только о Пушкине, о литературе и о новых произведениях».

Дом Салтыкова

Дом Салтыкова (*Дом Гротена*) — просторный особняк в Санкт-Петербурге в створе Дворцовой набережной (№4) и Миллионной улицы (№3). После окончания строительства в 1788 г. подарен Екатериной II царедворцу Николаю Ивановичу Салтыкову. Впоследствии неоднократно перестраивался, так что в нынешний облик здания свою лепту внесли архитекторы Кваренги, Карл Росси, Гаральд Боссе и К. И. Лоренцен.

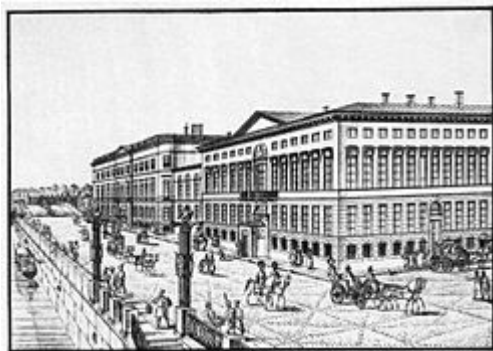
История

В 1780-е российская императрица Екатерина II начала выделять именитым царедворцам землю у реки Невы между Лебяжьим каналом и запасным корпусом Мраморного дворца. Первый участок (у самого Летнего сада) был отдан И. И. Бецкому. В 1784 следующий за ним участок между Дворцовой набережной и Царицыным лугом был выделена статс-секретарю Петру Соймонову, однако вельможа отказался от обустройства переданного участка — по всей видимости, дар сопровождался обязательством хозяина земли застроить её в течение пяти лет, при невыполнении которого участок возвращался в казну.

Следующим владельцем земли оказался купец Ф. И. Гротен, для которого и был возведён по проекту Джакомо Кваренги особняк, внешний вид которого дошёл до современности с небольшими изменениями. Проектируя дом, Кваренги столкнулся с необходимостью решить немаловажную планировочную задачу — ему предстояло определить, на какую сторону должен быть обращён парадный фасад здания. Итальянский архитектор принял решение ориентировать строение на север, на Дворцовую набережную, так как остальные стороны оказались непригодны для оформления парадного фасада: с юга участок Гротена выходил на неблагоустроенный Царицын луг и ворота дома Бецкого, а на западе (со стороны нынешней Суворовской площади) проходила граница владений А. Р. Воронцова, который, тем не менее, впоследствии избавился от земли в этой местности. Здание выходило на Царицын луг двумя этажами, к Неве — тремя, причём и от реки, и от луга оно было отгорожено забором. К западу от особняка был разбит сад, доходивший до запасного корпуса Мраморного дворца. Западный фасад был «глухим» — окон на нём не имелось, так как при строительстве дома предполагалось, что впритык к нему будет построено другое здание.

В июле 1790 именитый петербургский гражданин Т. Т. Сиверс приобретает особняк у Гротена за 30 000 рублей — за сумму, очевидно, превышавшую стоимость строительства и обустройства здания. В марте 1793 года Сиверс проворачивает весьма выгодную сделку, продав дом уже 82 875 рублей княгине Екатерине Петровне Барятинской (в незамужестве — принцесса Голштейн-Бекская). Вместе с мужем, князем Иваном Сергеевичем Барятинским, видным русским дипломатом и государственным деятелем екатерининской эпохи, семейство принадлежало к числу наиболее знатных в столице. Через три года, в 1796 княгиня начала сдавать квартиры в доме в наём. Несмотря на данное 1 февраля объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» (*«Состоящий близ Летнего саду дом княгини Катерины Петровны Барятинской отдается в наем...»*), съёмное жильё в доме не пользовалось спросом среди потенциальных квартиросъёмщиков, в связи с распространившейся по городу легенде о том, что в особняке якобы ходят призрак Петра I и какая-то молодая особа, причём император ругает её, не стесняясь в выражениях. Объявление в газете было замечено при дворе, и спустя два дня (3 февраля 1796) особняк был выкуплен в казну и подарен видному российскому государственному и российскому деятелю, фельдмаршалу Николаю Ивановичу Салтыкову за заслуги в воспитании любимого Екатериной II внука, великого князя Константина Павловича.

В гостях у него неоднократно бывал А. В. Суворов. Летом 1812 года в этом доме, в кабинете президента Военной коллегии фельдмаршала Н. И. Салтыкова, главнокомандующим русской армией был выбран М. И. Кутузов.

*Дом Салтыкова в 1830-е годы,
гравюра*

Изначально здание имело три этажа со стороны Невы и два со стороны Марсова поля. Так как при строительстве дома предполагалось, что рядом с ним со стороны Мраморного дворца со временем будет построено другое здание «впритык» к нему, то западный фасад дома не имел окон и выходил на сад, занимавший всё пространство до служебного корпуса Мраморного дворца и отделённый от Царицыного луга и берега Невы забором. Но в 1818 году по проекту К. И. Росси на месте сада была создана Суворовская площадь и выходящий на неё фасад был переделан. В 1818-23 годах в особняке были перестроены парадная лестница и вестибюль, создана домовая церковь, надстроены дворовые флигели.

Потомки Салтыкова обладали правами собственности на дом до 1917 года, однако они не проживали в нём, а сдавали в аренду. В течение 90 лет в здании размещались иноземные посольства. В 1829—55 годах в доме размещалось австрийское посольство во главе с графом К. Л. Фикельмоном. С 1855 третий и четвёртый этаж занимал барон Отто Плессен — посол Дании. С 1863 по 1918 годы здание снимало британское посольство.

После Октябрьской революции в здании работал Институт внешкольного образования, а с 1925 года в доме открылся Коммунистический политико-просветительский институт имени Н. К. Крупской (впоследствии Ленинградский Библиотечный институт, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). С соседним домом Бецкого, который с 1960-х годов также принадлежит университету, он соединён внутренними переходами.

Архитектурные особенности

Дореволюционная открытка, на которой изображено здание британского посольства — дома Салтыкова.

В 1818—1828 годах в доме существовала домовая церковь. До сих пор сохранилось немало интерьеров особняка: вестибюль, парадная лестница, Белый зал. С стороны Суворовской площади к зданию примыкало крыльцо. На протяжении XIX века потомки Салтыкова неоднократно предпринимали попытки перестроить дом. Так, в 1843—1844 особняк перестраивал Боссе. Среди затронутых интерьеров оказался Белый зал. В 1881 году зодчий Лоренцен расширил корпус по Миллионной улице.

Упразднённая церковь

10 сентября 1797 года протоиерей Павел Озерецковский освятил в доме *Церковь Воскресения Христова*. В апреле 1818 г. церковь была перенесена в иное место в связи с очередной перестройкой здания. По окончании работ церковь вернули в особняк и 8 апреля 1823 снова освятили. В 1828 году храм закрыли.

Салон

Примером типично великосветского салона может служить салон Елизаветы Михайловны Хитрово, урожденной Кутузовой.

Семья М. И. Кутузова ни по происхождению, ни по состоянию не принадлежала к высшим слоям российской знати, однако заслуги фельдмаршала чрезвычайно возвысили ее положение. По отзывам современника, Елизавета Михайловна, «не отличаясь особенным умом, обладала в высшей степени светкостью, приветливостью самой изысканной...». Салон ее, так же как и «вечера» ее дочери, графини Фикельмон, носили «эkleктический» характер в смысле духовных интересов. «Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная, общественная — имела верные отголоски... в двух этих родственных салонах... здесь можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической

брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут обозрение текущих событий, были первые лица Петербурга с суждениями своими, был и легкий флирт».

В летописях петербургской жизни имя Е. А.Хитрово осталось также незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная имела верные отголоски в этих приёмах. Было тут и обозрение текущих событий, был и лёгкий фельетон, нравоописательный и живописный.

В числе сердечных качеств, отличавших Елизавету Михайловну Хитрово, едва ли не первое место занимало то, что она была неизменным, твёрдым, безусловным другом друзей своих. Друзей своих любить не мудрено, но в ней дружба возвышалась до степени доблести. Где и когда нужно было, она отстаивала их, не жалея себя, и не опасаясь неблагоприятных для себя последствий.

Салон — очень тонкая и сложная форма общественной жизни, в которой соединились серьезные, глубокие интересы с развлечением, публичная деятельность с интимной обстановкой, личное с общественным, и при этом каждая из сторон не подавляла другую. Умение держать салон П.А. Вяземский называет «искусством». Он отмечает как главную особенность салона то, что им может руководить только женщина.

Елизавета Михайловна (во втором браке Хитрово) была любимой дочерью М.И. Кутузова. Она отличалась европейским образованием и хорошей осведомленностью в вопросах современной литературы и общественно-политических событий. Ее младшая дочь Дарья Федоровна (Долли) была супругой австрийского посланника К.Л. Фикельмона при русском дворе. Имела независимый образ мышления и светлый ум. Исследователями принято два салона, которые держали эти женщины, объединять в один, поскольку круг лиц, посещающих их, был одинаковым и темы, которые затрагивались в разговорах, не имели отличий.

В доме, имеющем в наши дни адрес Дворцовая набережная 4, располагалось посольство Австрии. И сюда в салон Хитрово-Фикельмон собирался весь цвет столичного общества. Обычно утро, только начинавшееся, впрочем, с часу дня, гости проводили у Елизаветы Михайловны, а к вечеру перемещались в гостиную к Долли. П.А. Вяземский писал: «Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах».

Дом австрийского посланника в качестве друзей посещали регулярно Жуковский, Сологуб, А.И. Тургенев, И.И. Козлов. Там же всегда можно было застать интересных людей из дипломатических кругов. У многих из них были самые дружеские отношения с Пушкиным, и некоторые послужили русскому классическому прототипами для героев

отрывка «Гости съезжались на дачу». Друг от друга они узнавали новости, которые не сообщались в официальных петербургских газетах. О регулярности посещения Александром Сергеевичем этого салона можно судить по меткому выражению Вяземского: «Дипломаты и Пушкин были дома».

Елизавета Михайловна и Долли преклонялись перед талантом Пушкина. Надо сказать, что Хитрово даже увлеклась поэтом больше, чем следовало. Ее письма были полны нежных, почти материнских наставлений (она была на 16 лет старше) и писались довольно часто. Рассчитывать на взаимность она не могла. Пушкин изредка даже жаловался друзьям на ее надоедливость, но при этом всегда относился к этой даме с подчеркнутым уважением и видел в ней «самого искреннего своего друга».

Она, в свою очередь, вместе с Долли после женитьбы поэта оказывает помощь его супруге Наталье Николаевне, а позже ее сестрам, в получении признания столичного светского общества, берет на себя хлопоты по устройству издания журнала «Современник», защищает «Евгения Онегина» от нападок критиков «Северной пчелы». Благодаря помощи Элизы, поэту доступна вся информация о важных событиях России и Европы тогда, когда он не имеет возможности покинуть Болдино. Имея доступ к сигнальным экземплярам книг и журналов, доставляемых в австрийское посольство, которые были запрещены или еще не изданы в России, Хитрово посылает их поэту (в том числе произведения Гюго и Стендаля, статьи по делу Полиньяка).

Анонимное письмо, приведшее к дуэли, на которой погиб Пушкин, тоже отослала эта женщина. Но это была роковая случайность. Получив с почтой пакет на свое имя, но содержащий внутри послание для Александра Сергеевича, она, не вскрывая конверт и не знакомясь с его содержанием, переправила его дальше, на что и рассчитывали враги поэта.

Дневник Фикельмон помогает потомкам понять атмосферу, в которой среди сплетен и интриг прошли последние месяцы жизни Пушкина.

В 1838 году салон перестал существовать в связи с отъездом супругов Фикельмон за границу для лечения Долли, она никогда уже не ступит на российскую землю. Елизавета Михайловна Хитрово едет с ними, но после возвращается в Россию, где внезапно в мае 1839 года умирает. В 1840 году супруг графини Долли был официально отозван в Вену.

В рабочие дни подойти к дому № 4 по Дворцовой набережной со стороны Суворовской площади не так-то просто. Быстрой и почти непрерывной вереницей идут мимо его бокового фасада бесконечные машины, спешащие с Марсова поля на Кировский мост. По утрам, когда светофоры на время останавливают автомобильный поток, к бывшему особняку австрийского посольства устремляются торопливые стайки юношей и девушек. Они входят – о некоторых хочется сказать – влетают – в главный подъезд на

набережной Невы. Со времен Пушкина здесь почти ничто не изменилось. По-прежнему на фронте лазурно-зеленого особняка виднеется белый герб Салтыковых, увенчанный княжеской короной. Под ним, на уровне третьего этажа, находится открытый балкон с гранитными балясинами и фигурной чугунной решеткой. Над самым входом смотрит на прохожих степенная львиная голова с кольцом в пасти.

Но архитектуру особняка рассматривают лишь немногие посторонние посетители. Торопящимся юношам и девушкам некогда. Они спешат в свои аудитории и кабинеты. С середины 1946 года все здание занимает Ленинградский государственный библиотечный институт имени Н. К. Крупской, который в настоящее время носит название Института культуры.

Сейчас в его основном, вечернем и заочном отделениях состоит около 6000 студентов.

Пожелаем им, будущим специалистам библиотечного дела и других отраслей культуры, успехов в учении и труде!

Займемся вкратце прошлым их «красивого, обширного, приятного для житья» здания, часть которого неразрывно связана с именем Пушкина^[445].

На месте будущего дома Салтыковых Петр I 26 августа 1724 года по случаю Полтавской победы «изволил веселиться в галерее большой, что в еловой перспективе»^[446]. Во времена императрицы Анны Иоанновны будущее Марсово поле представляло собою болотистый остров, поросший кустарником. Императрица не раз там охотилась. Нева протекала тогда по той стороне домов нынешней улицы Халтурина (бывшей Миллионной), где Эрмитаж, и подступала к самому месту, где много лет спустя был построен особняк Салтыковых. Впоследствии «в результате сложных и долгих, по условиям техники того времени, усилий была создана свайная набережная – примерно от Фонтанки до нынешней Адмиралтейской набережной – вынесенная в русло многоводной реки; тем самым, береговая линия была искусственно отодвинута.

Благоустройство этого района началось в конце первой половины XVIII века»^[447]. В 1764–1767 годах, уже при Екатерине II, «в гранит оделася Нева». Позже, в 1784 году, берег реки от Лебяжьего канала, прорытого еще при Петре I, до служебного корпуса Мраморного дворца^[448] был разбит на три участка, предназначенных для застройки. Средний из них, где находится нынешний Институт культуры, приобрел в 1787 году Санкт-петербургский купец Ф. И. Гротен, построивший здесь обширный дом, проект которого создал знаменитый архитектор Джакомо Кваренги.

По каким-то причинам заказчик своим огромным особняком, законченным в 1790 году, не воспользовался. В том же роду он продал его некоему Т. Т. Сиверсу. Последний три года спустя перепродал особняк княгине Екатерине Петровне Барятинской. Однако и на этот раз создание Кваренги недолго оставалось в руках нового владельца. В 1796 году в «Санкт-петербургских ведомостях» появилось объявление о сдаче особняка в аренду, а через два дня его купила императрица.

Екатерина II подарила дом генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Николаю Ивановичу Салтыкову. С тех пор и до Великой Октябрьской социалистической революции особняком на Дворцовой набережной владели его потомки. Владеть – владели, но предпочитали сдавать обширное здание иностранным посольствам. В 1829 году, как мы знаем, его хозяином стал граф Фикельмон. Резиденцией австрийского, потом австро-венгерского посольства дом Салтыковых оставался до 1855 года. Затем некоторое время часть дома занимал датский посланник (арендовать все здание маленькой Дании, видимо, было не по средствам), а после 1863 года особняк арендовало посольство Великобритании. 7 января 1918 года посол сэра Джордж Бьюкенен последний раз спустился по парадной лестнице и через Финляндию уехал в Соединенное Королевство.

Многих людей и много событий видел дом-дворец, построенный любимым зодчим Екатерины II...

В течение ряда лет, почти до конца XIX столетия, здание подвергалось внутри многочисленным переделкам. Постепенно изменялся и его внешний вид: «...к настоящему времени фасады со стороны Суворовской площади и Марсова поля очень существенно изменились, неизменным остался только фасад со стороны Невы. В остальном Кваренги не узнал бы своего творения»^[449].

Для нас существенно, по возможности, выяснить, какой же вид имел особняк в те годы, когда там бывал Пушкин (1829–1837).

Как и сейчас, здание представляло собою замкнутый вытянутый прямоугольник^[450]. По набережной и наполовину по Суворовской площади оно имело четыре этажа, все крыло, параллельное соседнему дворцу Ольденбургских, было двухэтажным. Со стороны Марсова поля во времена Пушкина особняк имел не четыре, как сейчас, а три этажа. Тесный в настоящее время двор был гораздо просторнее, так как пересекающей его сейчас галереи с проездом посередине не существовало.

В дни праздников кареты въезжали в ворота и, обогнув двор, останавливались у подъезда. Стояли они, как предполагает С. А. Рейсер, на Марсовом поле, так как на относительно узкой набережной места было недостаточно. К входу со стороны Невы, можно думать, в торжественных случаях подъезжали лишь наиболее важные гости, и в том числе, конечно, особы императорской фамилии. В «почетном дворе» их каретам пришлось бы ждать очереди. В обычные приемные дни все посетители, Пушкин в том числе, вероятно, пользовались главным входом с набережной или же поднимались в квартиру посла по лестнице с Марсова поля.

Длинный фасад со стороны Суворовской площади первоначально был почти глухой стеной; окна соответствующих комнат выходили во двор. Уже при Фикельмонах, в 1832 году, был пробит ряд окон на площадь. В то время на нее выходило три двери. Средняя из них, обслуживавшая и внутренние части здания, сохранилась до наших дней, и ею пользовались во время Великой Отечественной войны. Сейчас эта дверь, находящаяся

на линии четырнадцатого окна, как раз напротив памятника Суворову, закрыта. Когда-то она служила выходом в сад, существовавший на месте нынешней Суворовской площади. При Пушкине площадь уже имела современный вид. Сад уничтожили в 1818 году, и памятник Суворову, находившийся в глубине Марсова поля, был перенесен на то место, где стоит и в настоящее время.

Наконец, в 1825 году снесли ограду, тянувшуюся от угла особняка Салтыковых до служебного корпуса Мраморного дворца. Таким образом открылся проезд через площадь.

Просим не забывать о существовании во времена Пушкина в боковом фасаде особняка Салтыковых, на линии современного четырнадцатого окна, двери, выходящей на Суворовскую площадь. К этой двери нам придется еще вернуться.

Из описания Николая Раевского:

Возвращаюсь к дню 16 июля 1965 года, когда я впервые подробно осматривал особняк Салтыковых.

Мне показывали одно за другим помещения, которые когда-то были парадными комнатами австрийского, а позднее английского посольства.

Как полагает С. А. Рейсер на основании одного старинного документа, их можно довольно уверенно идентифицировать с некоторыми современными аудиториями и кабинетами. Непосредственно к белому залу примыкала большая столовая (302) и «вечернее зало» (301). С другой стороны расположена большая гостиная (304), малая и угловая гостиные (305 и 306). Помещения 301–305 выходят окнами на север. Одна сторона угловой гостиной также обращена на север, другая и остальные комнаты (307–310), вплоть до внутренней лестницы, ведущей в нижние этажи, имеют окна на Неву. Помещения, по-видимому, сохранили свои размеры, но аудитории, естественно, отделены друг от друга.

Пути сообщения во всем здании служат сейчас преимущественно очень узкие коридоры. В старое время было иначе. По коридорам ходили главным образом слуги. Хозяева и гости, по крайней мере в парадных покоях, пользовались дверьми, расположенными строго по одной линии и соединявшими комнаты в анфиладные ряды. Одна из таких линий шла от белого зала до угловой гостиной и затем, повернув под прямым углом, продолжалась до спальни графини (308).

Теперь здесь помещается кабинет литературы. Входят в него из коридора через очень низкую дверь. Осматриваю это помещение с особым интересом. Довольно большая, красивая и светлая комната с двумя колоннами, по всему судя, не была перестроена с основания особняка. Такой видел ее и Пушкин. Потолок с нарядной отделкой по карнизу, как мне сказали, вполне в духе построек Кваренги. Два окна выходят на Суворовскую площадь. В левое виден только служебный корпус Мраморного дворца, в правое – то же здание, но справа от него – Нева и часть Петропавловской крепости.

Между окнами – большое зеркало в старинной широкой раме. Под ним находился мраморный камин, который перенесен в музей – последнюю квартиру А. С. Пушкина (Набережная Мойки, 12).

Этот кабинет литературы, конечно, совсем не похож на спальню старой графини в том виде, как ее изображают в опере, – огромное помещение, в котором хватает места для целого хора прислужниц, поющих «Благодетельница наша...». Однако в «Пиковой даме» описана обычная спальня старой барыни, а вовсе не зал, вроде опочивальни Людовика XIV в Версальском дворце.

Рядом с теперешним кабинетом литературы находится аудитория № 307, которую С. А. Рейсер считает большим посольским кабинетом. Здесь, или в одной из соседних гостиных (305 и 306), Германн и мог ожидать возвращения старой графини с бала. Вероятнее, однако, что он стоял именно в помещении № 307, так как отсюда, чуть приотворив дверь, он мог видеть то, что происходило в спальне. С другой стороны, дверь из нее ведет в маленькую соседнюю комнату, где в наши дни помещается секретарь декана библиотечного факультета. В день моего посещения она была заперта, так же как и следующая комната № 310. Из той и из другой низкие двери выходят в коридор. Пройдя по нему всего 6–7 шагов, Германн попал бы на внутреннюю довольно широкую лестницу и по ней мог выйти на площадь. Однако в повести его путь описан иначе: после смерти графини он, повидавшись с Лизой, спустился затем по винтовой лестнице, размышляя о тех, которые, быть может, поднимались по ней в спальню графини много, много лет назад.

Фактическая топография этой части бывшей квартиры Фикельмонов*, в общем, очень напоминала соответствующие строки «Пиковой дамы» и переданный Бартневым рассказ Нащокина (надо заметить, что ни тот, ни другой в доме Салтыковых, несомненно, не бывали). Не хватало, однако, одной существенной подробности. Я тщательно спрашивал сотрудников института, нет ли где-нибудь поблизости от кабинета литературы винтовой лестницы. Ответ получал один и тот же: нигде нет.

В следующий мой приезд в Ленинград нашлось, однако, и это недостающее звено. Я познакомился с профессором С. А. Рейсером, подробно изучившим историю особняка, и он сказал мне, что еще сравнительно недавно лестница существовала. Когда Соломон Абрамович в 1944 году начал работать в институте, старые служащие говорили ему, что винтовую лестницу вниз убрали на их памяти. Профессор провел меня в небольшую комнату № 309, рядом со спальней. Здесь, вероятно, была туалетная или находилась горничная графини. Из этого помещения дверь ведет в кабинет декана – совсем маленькую комнатку № 310, назначение которой в прошлом остается неизвестным. На месте письменного стола ясно видно заделанное отверстие в полу. Подобный же симметричный след снятой лестницы имеется во втором этаже (комната № 219) и в первом. Незначительные размеры заделанных отверстий говорят за то, что лестница, несомненно, была винтовой.

Итак, загадочная лестница существовала. Путь Германна из спальни старой графини,

не пожелавшей открыть ему тайны трех карт, выяснен. Становится теперь ясным и очень туманное место рассказа Нащокина, запомнявшего, как Пушкин поутру вышел из особняка Фикельмонов. Поэт мог, в сопровождении Долли, из помещения № 308 пройти в 309, дальше в 310, а оттуда по винтовой лестнице сойти вниз. Мог также выйти из № 310, сделать несколько шагов по коридору и по внутренней лестнице опять-таки пройти к выходу на площадь через дверь против памятника Суворову.

Путь этот, по существу, прост, но провожатый необходим, так как без него легко по коридорам попасть не туда, куда нужно.

Так и случилось со мной, когда в 1965 году я попытался без посторонней помощи разыскать закрытую теперь дверь на площадь, которой сотрудники института пользовались во время Великой Отечественной войны,

В нижнем этаже находились при Пушкине комнаты прислуги, и, видимо, здесь, близ самого выхода, и произошла встреча графини Фикельмон с дворецким, которая едва не вызвала ее обморока.

Для меня, однако, по-прежнему оставалось неясным, где же находились личные комнаты посольши - ее любимая красная гостиная, зеленая гостиная и другие апартаменты, в которых она принимала своих друзей, в том числе и Пушкина. Парадные покои посольства для этих дружеских встреч в узком кругу явно не подходили.

Никаких данных на этот счет известно не было, но в цитированной уже записи Дарьи Федоровны от 14 сентября 1829 года имелось вполне определенное указание: «...мои комнаты выходят на юг».

Южный фасад дома Салтыковых обращен на Марсово поле. До революции оно было огромной площадью, где проходили парады войск Гвардейского корпуса. За ней виднелся мрачный Инженерный замок со своим золоченым шпилем. Сейчас здание полузакрыто старыми деревьями. В пушкинские времена им было всего десятка три лет.

Фасад посольского особняка еще не был испорчен позднейшей надстройкой четвертого этажа.

На Марсово поле выходят восемь окон бывшей квартиры посла, одно из которых заложено; крайние окна справа и слева тройные. Посередине этажа стеклянная дверь ведет на балкон, «выдержанный в строгих пропорциях александровского ампира»^[457].

Очень красива его массивная чугунная решетка. Балкон был поставлен, вероятно, в 1819 году, одновременно со всем третьим этажом со стороны Марсова поля.

Получив в 1967 году от пражского Управления архивов микрофильм с небольшой частью дневника Д. Ф. Фикельмон, я прочел страницу, с которой начинается

настоящий очерк, и, в июне следующего года прилетев в Ленинград, попросил разрешения осмотреть южную часть третьего этажа Института культуры.

Теперь здесь, в основном, помещается его библиотека. Книжным богатствам (в настоящее время более трехсот тысяч томов) уже тесно в анфиладе бывших комнат графини Долли. Они носят сейчас номера от 318 до 322.

Помещения, видимо, не перестроены. Хорошо сохранилась нарядная отделка стен и потолков в виде золоченых узоров того же типа, что в некоторых залах Зимнего дворца. Трудно, однако, сказать, такой ли вид имели эти салоны при Пушкине. Большое угловое помещение № 318 занято одной аудиторией. Что там было в прошлом – неизвестно. Зато абонемент библиотеки (№ 319) – это бывший «salon rouge» графини, который она так любила. Такая же гостиная была здесь у леди Бьюкенен. Вероятно, к тому времени относится старинное большое зеркало, которое только недавно отсюда убрали. Фотография красной гостиной английского посольства имеется в «Столице и усадьбе». Однако убранство «salon rouge» Д. Ф. Фикельмон было, конечно, совершенно иным. Из большой центральной комнаты № 320, заставленной теперь, как и другие, книжными стеллажами, можно было выходить на балкон. Через небольшое библиотечное помещение 321 мы попадаем в обширный апартамент 322, оттуда ход идет на лестницу, выходящую на Марсово поле рядом с въездом в парадный двор.

Читальный зал библиотеки помещается в громадной бывшей столовой великобританского посольства (№ 323). Для отдела каталогизации использована примыкающая к ней буфетная. Можно, как мне кажется, предположить, что при англичанах в этой части посольской квартиры была произведена перестройка. Нарядная столовая выдержана совсем в ином стиле, чем бывшие комнаты графини. К тому же большая столовая австрийского посольства помещалась, как мы знаем, в другой части здания, а для семейных приемов этот зал чересчур велик.

Пять апартаментов, выходящих на Марсово поле, – светлые и неизменно теплые помещения. И в самые сильные морозы здесь никогда не бывает свежо.

Любимые камелии графини и другие ее цветы, вероятно, чувствовали себя неплохо в этих комнатах даже в пасмурные петербургские зимы. Было там уютно и Дарье Федоровне, которая, как мы знаем, в некоторых отношениях сама походила на оранжерейный цветок.

Прожив много лет в Италии, по крайней мере в первые годы после приезда в Петербург она с трудом переносила отечественные морозы. Угнетал ее и самый приход северной зимы.

Поселившись в доме Салтыковых, она записывает 1 октября того же 1829 года: «Сегодня выпал первый снег – зима, которая будет продолжаться у нас семь месяцев, заставила слегка сжаться мое сердце: очень сильно должно быть влияние севера на настроение человека, потому что среди такого счастливого существования, как мое,

мне все время приходится бороться со своей грустью и меланхолией. Я себя за это упрекаю, но ничего не могу тут поделать – виновата в этом прекрасная Италия, радостная, сверкающая, теплая, превратившая мою первую молодость в картину, полную цветов, уюта и гармонии. Она набросила как бы покрывало на всю мою остальную жизнь, которая пройдет вне ее! Немногие люди поняли бы меня в этом отношении, – но только человек, воспитанный и развившийся на юге, по-настоящему чувствует, что такое жизнь, и знает всю ее прелесть».

Слов нет, Долли Фикельмон, как немногие, умела чувствовать и любить жизнь. Только чувствовала ее – повторим еще раз – односторонне. Так было и раньше, в Италии, и в красной гостиной Салтыковского дома, где, вероятно, она и заполняла страницы своего дневника. Из ее окон графиня видела лишь Марсово поле и замок, в котором не так давно задушили Павла I, но из правого окна ее уютной спальни хорошо была видна часть Петропавловской крепости.

Вряд ли Дарья Федоровна когда-нибудь всерьез о ней думала. Она обладала своеобразной способностью почти не замечать мрачных сторон жизни...

Но по бывшим ее личным комнатам трудно ходить без волнения. Вероятно, они не меньше, чем парадные апартаменты посольства, являлись тем, что издавна уже принято называть «салонем графини Фикельмон», где, по словам П. А. Вяземского, «и дипломаты и Пушкин были дома».

Вот здесь, в бывшей красной гостиной, где сейчас стоят в очереди за книгами студенты и студентки Института культуры, несомненно, много раз сживал поэт. Здесь беседовали с хозяйкой ее близкие друзья – князь Вяземский, Александр Иванович Тургенев, Жуковский, возможно, и слепец поэт Иван Иванович Козлов. И, может быть, именно дверь этой комнаты имеет в виду графиня Долли в записке, посланной Вяземскому во время великопостного говения 1832 года: «Но, в качестве доброго соседа, вы всегда можете попробовать постучать в мою дверь, – быть может, она для вас и откроется».

Я имел до сих пор в виду те комнаты, в которых принимала своих друзей и знакомых графиня Фикельмон. Нельзя, однако, забывать, что в особняке австрийского посольства жила и ее мать Елизавета Михайловна Хитрово, переселившаяся туда из дома Межуевой на Моховой улице, по-видимому, весной 1831 года^[458]. Вместе с ней жила и старшая дочь, графиня Екатерина, но в мае 1833 года фрейлина Тизенгаузен переселилась в Зимний дворец. Елизавета Михайловна оставалась в доме Салтыковых до самой смерти (3 мая 1839 года).

Со слов П. А. Вяземского мы знаем, что приемы Е. М. Хитрово именовались «утрами», хотя продолжались от часу до четырех полудня^[459].

Д. Ф. Фикельмон в письмах к Вяземскому неизменно упоминает о своих вечерних приемах. Сам П. А. Вяземский и другие мемуаристы также говорят о вечерах у

графини. Таким образом, собрания у «матери и дочери происходили в разные часы.

Однако Елизавета Михайловна, несомненно, принимала своих гостей не в апартаментах Фикельмона. Тот же Вяземский упоминает о «двух родственных салонах». Пространственно они были разделены, хотя и находились в одном и том же особняке на Дворцовой набережной.

Пока, к сожалению, нельзя установить местонахождение комнат Елизаветы Михайловны. Они, несомненно, составляли более или менее изолированный комплекс. В недатированных записках графини Долли к Вяземскому много раз повторяется приглашение побывать «у мамы»: «Приходите сегодня вечером дать ваш ответ к маме, где я буду в 10 часов». «Пока приходите сегодня вечером к маме – я так люблю слушать, как вы говорите», и т. д.

Квартира Е. М. Хитрово и ее старшей дочери, по-видимому, находилась не в непосредственной близости с апартаментами младшей.

В одной из записок Дарья Федоровна сообщает Вяземскому: «Так как Елизалекс больна гриппом, я не выхожу из дому и покидаю мою девочку только для того, чтобы пойти к маме, которая не хочет больше лежать в постели, хотя еще очень больна».

По всей вероятности, квартира Е. М. Хитрово находилась во втором этаже особняка, и гости входили в нее с той же лестницы, которая с Марсова поля вела в квартиру Фикельмонов. Чтобы попасть к матери и сестре, Дарье Федоровне достаточно было из своих гостиных спуститься этажом ниже.

Начиная с 1965 года, я побывал в бывшем доме Салтыковых много раз, и почти каждый год – в период экзаменов в Институте культуры. В вестибюле с дорическими колоннами, на лестнице Германна-Пушкина, в узких коридорах, перед дверью кабинета литературы, в великолепном белом зале, в бывшей красной гостиной графини Фикельмон – всюду шли, стояли, сидели, толпились юноши и девушки – одни с тревожными, беспокойными лицами, другие с радостно-взволнованными. Грустных я видел мало... И каждый раз, когда я, зачастую среди молодого потока, входил в подъезд со степенной львиной головой над дверью, я думал одно и то же: как хорошо, что именно этим юношам и девушкам отведено здание, так прочно связанное с памятью о Пушкине.

«Племя младое, незнакомое», как и их старшие собратья, хочется думать, сумеет быть достойным этой памяти.

Источники:

1. Салоны Е.М. Хитрово и Д.Ф. Фикельмон \\ <http://www.peterburg.biz/salonyi-e.m.-hitrovo-i-d.f.-fikelmon.html>

2. Фикельмон, Дарья Фёдоровна

\\ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%BD,_%D0%94%D0%B0%D1%80%D1%8C%D1%8F_%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0#.D0.9F.D0.B5.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.B1.D1.83.D1.80.D0.B3

3. «Хитрово-Фикельмон салон». В кн.: Быт Пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. «Л-Я». СПб, 2005. С.356-360.

4. Н.А. Раевский. Пушкин и призрак Пиковой дамы.

5. ЛИТЕРАТУРНЫЕ САЛОНЫ ПЕТЕРБУРГА XIX ВЕКА

\\ <http://www.excursusart.ru/svetskaya-zhizn/literaturnye-salony.html>